ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ПОЗИЦИЙ СОЦИОСИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА И ИНТЕГРАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Н. В. Левкин, А. А. Лаптев

Авторы проводят критический обзор существующих методологических подходов к анализу социально-экономических систем. В статье выдвигается и рассматривается гипотеза о возможности междисциплинарного изучения социально-экономических систем с позиций социосинергетики и интегральной психологии. Предлагается возможный вариант типологии социально-экономических систем на основе Ц-матриц (V-MEMES).

В последние годы существования и после распада Советского Союза в исследованиях фундаментального характера среди экономистов, социологов и политологов не утихали ожесточенные споры о природе и характеристиках современных социально-экономических систем. Эти споры имели бы чисто академическое значение, если бы их результаты прямо не затрагивали реальное состояние экономики России и жизни общества в целом. В зависимости от направления вектора научных дискуссий начиналось активное строительство «социализма с человеческим лицом» (1980–1990-е гг.), «социально ориентированного капитализма» (начало 1990-х гг.), «цивилизованной рыночной экономики» (2000-е гг.), «постиндустриального общества» с акцентом на «догоняющую модернизацию» (настоящее время).

Формирование той или иной идеологии «верного» пути развития и становление «правильной» социально-экономической системы требовали использования соответствующего инструментария для их внедрения в экономическую жизнь общества, спектр которого также был и остается достаточно широким: от борьбы с алкоголизмом, распространением гласности и хозяйственного расчета (период руководства страной М. С. Горбачевым), либерализации цен и внешней торговли, широкомасштабной приватизации (эпоха Б. Н. Ельцина, и(или) эпоха младореформаторов) и до ликвидации коррупции, тотальной интернетизации общества, строительства инноградов и вхождения России в мировое сообщество «на равных» (В. В. Путин — Д. А. Медведев). В связи с этим можно поспорить с некоторыми исследователями, утверждающими, что главная проблема современного российского общества — это отсутствие идеологии. Идеология в России была и есть: можно лишь спорить о масштабах идеологических рамок и используемой для их измерения координатной плоскости. Понятно, что границы идеологии построения социалистического или капиталистического обществ намного шире локальных границ идеологии догоняющей модернизации или социально ориентированного государства, господствующих сегодня в российском социуме в рамках политического официоза (очевидно, что последние могут рассматриваться при определенных условиях лишь в качестве составной части первых двух идеологических доктрин). Независимо от степени «локализованности» идеологических рамок весь этот инструментарий, а также его разработка и внедрение в живую ткань российского общества каждый раз требовали и требуют колоссальных затрат человеческих, временных, финансовых и материальных ресурсов. При этом последствия преобразований всякий раз оказывались (оказываются) не теми, о которых изначально говорили (говорят) провайдеры тех или иных идеологических постулатов. Однако это не останавливает ни научное сообщество, ни политическую элиту, ни ее оппозицию от дальнейшей разработки новых модернизационных (реформационных/преобразовательных) проектов, делающих попытку найти ту единственную и абсолютно правильную модель социально-экономической системы, к которой мы должны стремиться в своем развитии. Точкой отсчета для таких теоретических конструкций становится, как правило, описание уже существующей на текущий момент времени системы экономической жизни российского общества. И здесь разброс мнений становится запредельно широким. Попытку обобщить это многообразие предпринял американский социолог В. Э. Шляпентох. Из огромного количества ярлыков, при помощи которых специалисты характеризуют современную Россию и ее соци-

ально-экономическую систему он выделяет пять групп [24, с. 17-18]. Первая группа содержит общие определения общества с самых широких позиций цивилизационного подхода, такие как «нормальное общество», «переходное общество», «трансформационное общество», «православная цивилизация» и «евроазиатская цивилизация». Вторая группа содержит политические характеристики: «монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «суперпрезидентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «демократическая форма царизма», «феодализм», «расколотое общество», «российская демократия», «либеральная империя» и т. п. Третья группа терминов делает попытку описать экономическую структуру общества: «олигархический капитализм», «государственно-монополистический капитализм», «дикий капитализм», «криминальный капитализм», «клептоманный капитализм», «гангстерский капитализм», «хищный капитализм», «рыночный большевизм», «клановый капитализм», «незрелый капитализм», «мутантный капитализм», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический капитализм», «паразитарный капитализм», «номенклатурный капитализм», «управляемый рынок», «развивающаяся экономика», «транзитивная экономика» и т. д. Четвертая группа акцентируется на национальной и этнической идентичности, используя такие термины, как «евразийская нация», «постсоветское общество», «интернациональная империя», «часть западной цивилизации», «синтетическое общество» и т. д. И, наконец, некоторые авторы фокусируют свое внимание на характеристиках, связанных с положением России и ее восприятием в мире: «энергетическая сверхдержава», «сырьевой придаток развитых стран», «страна с отсталыми технологическими укладами», «ядерная супердержава», «демократия среднего дохода», «институционально несовершенное общество», «переходное общество». Данные примеры наглядно показывают, что попытки описать российское общество и дать развернутую характеристику его социально-экономической жизни в терминах одной интегративной системы (либеральной, авторитарной, демократической, рыночной, социалистической и любой другой) обречены на провал. Такая же проблема возникает и при описании других социально-экономических систем (американской, западноевропейской, японской, латиноамериканской, скандинавской и т. д.). История американского институционализма подтверждает этот тезис: вспомним, как только в рамках этого интеллектуального направления научной жизни не характеризовали американское общество и американскую экономику за XX в. отечественные и зарубежные исследователи (от «оплота рыночной экономики и либеральный ценностей» до «праздного общества» и «общества массового потребления»). Скорее всего, при подробном и вдумчивом анализе количество используемых определений будет намного большим, чем в случае изучения современной российской социально-экономической реальности.

При всем многообразии характеристик современных социально-экономических систем ученые, как правило, используют две исходные модели — формационную и цивилизационную. Истоки формационной модели заложены в трудах Ф. Энгельса и К. Маркса. Ключевой заслугой этих ученых является раскрытие и описание основ эволюционного процесса социальной системы, а также его механизма на основе принципов диалектической логики (исторический материализм). В теории диалектического процесса стабильность и изменения объясняются борьбой и единством противоположностей или, иначе, противоборствующих объектов. Для основоположников диалектического материализма такими макрообъектами стали производительные силы и производственные отношения. Борьба и умение приспосабливаться поддерживают равновесие между противодействующими сторонами. По мере накопления сил одной из них происходит нарушение равновесия и осуществляется переход в новую стадию развития. Материалистическая диалектика заложила основы для формирования современного системного мышления в области эволюции сложных организаций, в т. ч. и социально-экономических систем.

Фундамент цивилизационного подхода и его ключевых ответвлений (прежде всего институционально-технологического и историко-хронологического) заложены в работах Г. Спенсера, идеи которого стали основой для целого блока теорий развития социальных систем, т. к. предполагали выделение исторических стадий эволюции общества от простого к сложному (в более широком философском контексте формаци-

онная схема развития общества К. Маркса также отталкивается от этой идеи: исключением выступает лишь так называемый азиатский способ производства, который, по мнению классика, представляет собой некую тупиковую ветвь развития человеческого общества). В русле этих идей были написаны работы У. Ростоу (теория индустриального общества), Д. Белла и А. Тоффлера (теория постиндустриального общества), И. Валлерштайна (теория глобального общества), Н. Лумана (теория коммуникативного общества) и т. д. Огромное влияние эти воззрения оказали на ход развития экономической науки во второй половине XX в. Большинство макроэкономических теорий мэйнстрима лежит в русле именно этих взглядов (посткейнсианские и неоклассические модели экономического роста). Институциональные теории также отталкиваются от этих позиций.

По мнению Г. Спенсера и его последователей, основой развития сложных систем является дифференциация, т. е. процесс специализации, разделения функций между частями и отбор наиболее устойчивых структурных соотношений. Дифференциация неизбежна, т. к. любые конечные однородные системы неустойчивы в силу разных условий для их отдельных частей и неодинакового воздействия разнообразных внешних сил на их различные элементы. По мере возрастания сложности и разнородности в системах ускоряется темп дифференциации, т. к. каждая дифференцированная часть является не только результатом дифференциации, но и ее дальнейшим источником. Эволюционные преобразования происходят в направлении повышения гармонизации, структурного и функционального соответствия всех составляющих целого. Дифференциация всегда сопровождается интеграцией (объединением схожих по каким-либо признакам элементов в подсистемы), а естественным пределом эволюционного процесса оказывается состояние динамического равновесия, обладающего инерцией самосохранения и способностью адаптации к новым условиям. Таким образом, эволюция любой системы состоит в повышении и усложнении ее организации, хотя при этом накопление несоответствий может привести к распаду ее отдельных частей. Социал-дарвинистические идеи, широко популяризированные Г. Спенсером, и сегодня играют видную роль в объяснении эволюции рыночной экономики.

Наряду с теориями социальной эволюции, базирующимися на идее прогресса, существуют многочисленные цивилизационные теории, отрицающие идею однолинейного прогрессивного развития человечества. В их основе лежит концепция культурно-исторических типов развития общества (Н. Я. Данилевский, Л. Н. Гумилев, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин и др.), предполагающая цикличность и нелинейность развития народов, наличие «тупиковых ветвей» (предлагается даже гипотеза о деградации некоторых гоминид в обезьян, т. е. о реэволюции человекоподобных существ), альтернативности развития и соподчиненности неким общим космическим процессам и явлениям (например, наличие тесной связи пассионарности с солнечной активностью). Возникнув на периферии господствующей научной парадигмы и не вписываясь в нее, альтернативные теории становятся своеобразным двигателем для дальнейшего развития научной мысли на качественно новых основаниях. Однако их «оторванность» от строгой доказательной базы (большинство из этих теорий может восприниматься лишь на веру, и в этом они становятся малоотличимыми от обычного религиозного восприятия окружающего нас мира и хозяйственной действительности) и невозможность перепроверки или опровержения ключевых положений (принцип фальсификации К. Поппера) делают данные теоретические конструкции объектом изучения, скорее, для эзотерического знания, чем экономической науки.

Почему же современная наука оказывается неспособной к изучению ключевой для жизни современного общества категории «социально-экономическая система» (что находит свое отражение в широком разбросе мнений и научных позиций, каждая из которых, казалось бы, имеет полное право на существование, но при этом не позволяет реализовать важнейшую прогностическую функцию научного знания)? Почему мы не можем избежать весьма ощутимой и болезненной фрагментации научного знания по этому вопросу? Проблема заключается в использование неадекватного современному состоянию развития науки и общества научного аппарата, в основе которого лежит системная методология образца 1950–1960-х гг. Начиная с 1970–1980-х гг. мы наблюдаем четкую тенденцию к сдвигу научной парадигмы познания жизни социально-экономических систем, что находит свое отра-

жение в смене способа понимания окружающей хозяйственной реальности, влиянии открытий в одной научной области на многие другие области, существовании огромного массива данных, которые не находят своей интерпретации в рамках старой системной парадигмы. Непризнание фундаментальной экономической наукой этих изменений во многом привело к тем катастрофическим последствиям, которые произошли в экономике России в начале и середине 1990-х гг. По мнению М. Блауга, Д. Стиглица и Д. Норта, именно отсутствие понимания научным сообществом реального разнообразия экономических систем оказалось той слабостью, которая сыграла решающую роль в деградации российской экономики при проведении рыночных реформ [1, с. 54-55].

Основой прежней системной методологии была и остается кибернетика, претендовавшая в XX в. на роль всеохватывающей науки об управлении сложными системами самого разного порядка и ранга (по замыслу ее создателей — Н. Винера, Ст. Бира и Г. Клауса, кибернетика является наукой об общих принципах управления в технике, человеческом обществе и в живых организмах). Благодаря кибернетике современная наука значительно расширила свой понятийный аппарат, прежде всего, за счет концепции «черного ящика», аналогий с механизмами управления, реализуемыми в биологических системах (прежде всего, механизма гомеостазиса), и таких понятий, как «обратная связь», «вход» и «выход» системы, принцип «внешнего дополнения», «энтропия», «информация» как отрицание энтропии и т. п. Однако уже сам Ст. Бир в своих работах отмечал, что управление социально-экономической системой — это управление не людьми, финансовыми ресурсами, материальными потоками или информацией, а, прежде всего, управление сложностью. Мерой сложности является разнообразие состояний, и поэтому в основе модели жизнеспособной системы лежит действие закона необходимого разнообразия У. Эшби, который требует, чтобы набор управленческих реакций был не менее богатым, чем набор возможных состояний среды, проблемных ситуаций в окружении социально-экономической системы [22, с. 136]. Кибернетика не смогла адекватным образом описать и решить всю гамму проблем, возникающих при управлении сложностью. Во многом причиной этого стал технократический редукционизм (взаимосвязи управляющих и управляемых систем в кибернетике, как правило, изучаются лишь в той мере, в какой они допускают выражение средствами математики и формальной логики), а также отрыв от последних достижений целого спектра наук (начиная с последних открытий в области изучения мозга человека и заканчивая новыми представлениями об эволюции биологических и социальных систем, сделанных, например, еще в рамках ноосферного подхода русскими учеными конца XIX — начала XX вв.). Пересматриваются и базовые положения кибернетики в связи со становлением принципиально новых понятий и закономерностей, описывающих поведение сложных систем [23]. Например, таких, как «операциональная замкнутость» (система воспринимает и усиливает что-то, незначимое с нашей точки зрения, и игнорирует то, что мы считали входным сигналом, т. е. проявляет внутреннюю детерминацию, следуя собственным внутренним законам. Входной толчок может запустить цепь рекурсивных изменений, но их итог зависит не от входа, а от внутренних связей и свойств системы, которые тоже могут меняться. Как итог — кибернетический принцип «черного ящика» не работает); «рефлексивная петля» (восприятие людьми реальности, действия на основе этого восприятия, не всегда верного и всегда неполного, влияние этих действий на реальность и вновь восприятие); «автономия» (выборочное восприятие среды: какие-то сигналы игнорируются, а какие-то воспринимаются и усиливаются в контурах положительной обратной связи. Но поведение системы нельзя при этом назвать реакцией на вход) и т. д.

Кибернетические «провалы» устраняются во многом за счет обращения к относительно новому направлению междисциплинарных изысканий — синергетике. Синергетика (от греч. *synergos* — «син» = «со», т. е. совместно, и «эргос» — «действие»), по мнению одного из ее основоположников Г. Хакена, это наука, занимающаяся изучением систем, состоящих из большого числа частей, компонент или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой. Современная трактовка этого понятия заключается в том, что синергетика — это научная дисциплина, изучающая основные законы самоорганизации сложных систем (в нее входят такие области, как нелинейная динамика, хаос, фракталы, катастрофы, бифуркации, волны, солитоны, полевые эффекты и т. п.) [17]. Главная

заслуга синергетики на современном этапе ее развития и ключевое отличие от кибернетики заключается в нахождении пути преобразования неустойчивости в устойчивость, вскрытии механизмов, делающих такой переход неизбежным, а также в анализе диапазона и иерархии детерминирующих факторов, обуславливающих фазовые переходы [16, с. 47]. Этим объект синергетики как научной дисциплины коренным образом отличается от объекта изучения кибернетики — устойчивых управляемых саморегулируемых систем, как правило, целевых и равновесных [5, с. 162]. По-другому воспринимает синергетика и понятие хаоса. Если традиционная системная методология рассматривает хаос в качестве максимума энтропии, то синергетика предполагает под хаосом разнообразие флуктуаций.

Современная синергетика включает в себя такие подразделы, как теория диссипативных структур И. Пригожина и всей брюссельской школы, классическая синергетика Г. Хакена и теория катастроф Р. Тома. Решающее значение для понимания процессов самоорганизации и динамики сложных систем имели результаты, полученные в рамках следующих научных дисциплин [13, с. 203-204]: термодинамики необратимых процессов в открытых системах; нелинейной механики, электрофизики и физики лазеров; химической кинетики сильно неравновесных процессов; молекулярной биофизики; нелинейной теории регулирования, кибернетики и системного анализа. По уже сложившейся традиции в рамках синергетики рассматриваются два основных аспекта динамики сложных систем [13, с. 204]:

— самоорганизация и формирование устойчивых структур в открытых нелинейных системах;

— эволюционные процессы и фазовые переходы в сложных системах.

В первом случае условия внешней среды и потоки энергии через систему считаются относительно постоянными, и задача заключается в выявлении закономерностей образования структур и в определении их свойств. Во втором случае условия внешней среды и потоки энергии уже не считаются постоянными. При этом изменения могут иметь как экзогенную причину, так и эндогенную, т. е. являться следствием обратного влияния системы на среду существования. Изменение условий функционирования через некоторое время приводит к потере устойчивости существующих структур. Возникающие при этом неустойчивости запускают динамический процесс переформирования системы и возникновения новых упорядоченных структур. Чередование периодов относительной стабильности и динамических переходов (кризисов) составляет суть эволюционного процесса, присущего нелинейным открытым системам.

Одним из важнейших междисциплинарных направлений синергетики на современном этапе ее развития выступает исследование самоорганизации социальных систем (социосинергетика). Базовыми для социосинергетики становятся такие понятия, как спонтанные (самоорганизующиеся, слабоуправляемые, слабоструктурированные), резонансные (взаимоусиливающие) и когерентные (согласованные) социальные процессы, социальная коэволюция, социальные алгоритмы, дезорганизация как источник новой организации, социальные противовесы, компенсирующие механизмы, альтернативные (дополняющие) решения, нелинейные сетевые организационные структуры, опережающие социальные технологии (опережающая адаптация к социальным изменениям) [10, с. 27-28].

Основы познания развития социально-экономических систем как неравновесных структур были заложены еще в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Огромный вклад в познание хозяйственной действительности как сложного многомерного объекта с большим количеством прямых и обратных положительных и отрицательных связей был внесен в экономическую науку Ф. Листом, А. А. Богдановым, Н. Д. Кондратьевым, Й. Шумпетером, К. Поланьи, Л. Мизесом и Ф. Хайеком. Однако эти ученые давали лишь фрагментарное представление о сущности социально-экономических систем как самоорганизующихся объектов. Значительный прорыв в этом направлении был сделан в конце XX в. в работах таких зарубежных и отечественных исследователей, как Р. Ф. Абдеев, В.-Б. Занг, А. И. Добрынин, Р. Нельсон, С. Уинтер, Д. Норт, Г. Б. Клейнер, В. И. Маевский, Е. В. Попов, Л. П. Евстигнеева, Р. И. Евстигнеев, С. Д. Хайтун и др. Важным выводом из анализа работ этих авторов является то, что социально-экономическая система четко удовлетворяет требованиям, предъявляемым к саморазвивающимся системам любой сложности, а именно [2, 3, 9, 13]:

1. Самоорганизация социально-экономических систем, т. е. происходит процесс развития системы от беспорядка к порядку, когда, как и в любой другой открытой системе, энтропия убывает.

2. Конечность времени жизни социально-экономической системы и связанный с ней циклический процесс воспроизводства и обновления всех ее параметров.

3. Способность к самовоспроизведению, т. е. к образованию относительно точных копий исходной системы или подсистем, а также зависимость текущего состояния от предыстории, потенциальная способность к хранению информации (в виде структуры связей между элементами).

4. Самоорганизация социально-экономической системы происходит в условиях, существенно отличающихся от равновесного состояния. С развитием системы колебания маятника неравновесности лишь усиливаются и если система не наращивает свой потенциал (человеческий, финансовый, информационный, материальный), то это может привести к ее гибели или поглощению другими системами. В связи с этим на любом этапе развития социально-экономических систем важнейшая роль отводится адекватной работе механизма гомеостазиса.

5. Кооперативный характер динамики подсистем, способность к спонтанному возникновению различных коллективных эффектов (эффект синергизма) и к синхронизации процессов. Социально-экономическая система обладает большим количеством образующих ее элементов, которые в процессе взаимодействия друг с другом, а также внешней средой системы порождают макроскопические неоднородности, что приводит к флуктуативным сдвигам в жизни системы.

6. Самоорганизация социально-экономической системы сопровождается самопроизвольным понижением симметрии: фазовые переходы системы связаны с возникновением новых микроструктур, которые постоянно меняют конфигурацию системы. При этом функционирование системы четко подчинено логике закона Седова: рост разнообразия на верхнем уровне организации обязательно сопровождается унификацией на предыдущих уровнях и, наоборот, рост разнообразия на низших уровнях разрушает систему.

7. Поведение элементов и системы в целом характеризуется спонтанностью, возрастает роль и значение «эффекта бабочки», когда, казалось бы, малозначительные с общесистемной точки зрения события приводят к глобальным изменениям в жизни социально-экономических систем. При моделировании саморазвивающихся систем чрезвычайно важно учитывать гипотезу об инвариантности, исходящей из факта относительной независимости внешних характеристик системы от внутренних, что в корне противоречит логике анализа традиционной системной методологии.

8. Самоорганизация, управление и организация взаимно дополняют друг друга, вступая при этом в сложные диалектически противоречивые взаимосвязи, что находит свое отражение, прежде всего, во взаимодействии стихийных рыночных начал (самоорганизация) и государственного, а также надгосударственного вмешательства на уровне международных институтов (организация). Переход из одного состояния системы в другое возможен, но не может произойти произвольно. Для этого необходимо либо изменение внешних условий или свойств системы, либо целенаправленные усилия по выталкиванию системы из имеющегося устойчивого состояния и перевод ее в область притяжения другого аттрактора (управление). В любом случае нужны затраты энергии и целенаправленная деятельность.

9. С позиции социосинергетики развитие социально-экономических систем имеет сукцессионный характер, а именно: последовательная закономерная смена одних стадий другими (при этом при переходе от стадии к стадии меняются не качественные признаки элементов, а их отношения); развитие социально-экономических систем преимущественно конвергентно по отношению к «архетипической» траектории развития; сочетание временной и пространственной конкуренции и кооперации разнородных элементов; развитие идет циклично с фазами конструкции и деструкции, и циклы имеют разные временные масштабы; системы подчиняют среду своим требованиям, стремясь к максимальной независимости от нее, депонируя, трансформируя или же производя ресурсы.

Глобальные структурные сдвиги в мировой экономике в первом десятилетии XXI в. стали наглядным подтверждением этих теоретических выводов. Анализ существующего эмпирического материала позволяет исследователям дать конкретные характеристики нового этапа

в развитии социально-экономических систем и человеческого общества в целом. Так, например, директор Института глобализации М. Делягин выделяет следующие тенденции [7]:

— Изменение отношений человека и природы. Познание человеком своей собственной природы приводит к распространению нового вида деятельности в глобальном масштабе — манипулированию человеческим сознанием. На передний край на смену индустриальным технологиям приходят технологии психологического воздействия и влияния на человека. Если раньше человек стремился изменить и подчинить себе окружающий мир, то теперь объектом его притязаний становится собственное сознание и сознание других людей.

— Изменение роли знания в современном обществе и экономике. Знание становится основой для управления людьми в глобальном измерении и социальные элиты не заинтересованы в распространении этого знания среди широких слоев населения. Знания, как и в прежние (доиндустриальные) эпохи, снова становятся уделом избранных. По этой причине происходит качественное упрощение общедоступной системы образования во всех странах мира. В свою очередь, рядовому члену общества массового потребления, знания также становятся ненужными, и их получение и восприятие рассматриваются как излишние затраты психобиологической энергии. Происходит четкая сегрегация существующего знания: знание для глобальной элиты (подлинно научное знание) и знание для социальных «низов». Из-за примитивизации доступного большинству населения знания растет интерес к мистицизму.

— Массовое снижение рисков элементов большой системы ведет к росту общесистемных рисков, вплоть до ее разрушения. Например, в начале 2000-х гг. деривативы были инструментом снижения рисков инвесторов. Благодаря этому риск покупателя первоклассной корпоративной облигации был на порядок ниже риска выпустившей ее корпорации. Массовая минимизация индивидуальных рисков привела к росту риска на общесистемном уровне, что спровоцировало ипотечный кризис в США, выступившего, в свою очередь, предвестником глобального финансово-экономического кризиса.

— Формирование нового всемирно-исторического субъекта, глобального управляющего класса из представителей топ-менеджмента крупнейших мировых корпораций. В связи с этим процессом традиционная конкуренция между странами ослабляется: наличие глобального класса делает ее борьбой между частями одного целого. Фундаментом глобального управляющего класса выступают глобальные монополии, заинтересованные в замедлении темпов НТП и консервировании существующей в экономике ситуации.

— Широкое распространение безлюдных технологий, которое делает ненужной долговременную и дорогостоящую массовую подготовку высококвалифицированных рабочих и специалистов практически во всех областях хозяйственной деятельности (образование, медицина, строительство, промышленность, транспорт и т. д.). Такие люди становятся невостребованными на современном рынке труда, но они же выступают основой среднего класса в большинстве развитых стран мира. Таким образом, происходит постепенная «утилизация» среднего класса.

От себя добавим, что важным символом нового времени становится всепроникающая имитация, в том числе и компьютерная. Подлинность, естество сегодня находятся в дефиците, а симулякры, муляжи, фантомы становятся основанием для функционирования своеобразной эрзац-экономики.

Дальнейшему развитию социосинергетической методологии за счет познания текущей ситуации на глобальных рынках способствуют идеи, высказываемые и доказываемые практическими действиями представителями бизнес-сообщества. Например, известный фондовый спекулянт и меценат Дж. Сорос разработал финансовую теорию рефлексивности, которая пока еще не нашла должного отражения в фундаментальных работах традиционной экономики, но уже комплексно дополняет идеи синергетической науки[1]. Эта теория опровергает постулат о стремлении глобального финансового рынка к равновесию и допускает как его саморазвитие, так и саморазрушение. По мнению Дж. Сороса, рефлексивность порождает неопределенность, не поддающуюся количественной оценке, и ве-

[1] Используя теорию рефлексивности в провальный для всего финансового мира 2008 г., Дж. Сорос получил 10% прибыли на вложенный в фондовые активы капитал. Кроме того, подчеркнем, что именно этот бизнесмен-практик попытался на теоретическом уровне описать процессы, которые достаточно давно были известны в философии, но игнорировались традиционной экономической наукой.

роятность наступления событий, которую невозможно просчитать [18, с. 74-75]. По-видимому, именно теория рефлексивности проводит четкий водораздел между синергетикой, изучающей сложные системы биологической природы, и синергетикой, посвященной социальной сфере (социосинергетика).

Таким образом, в рамках социосинергетической парадигмы имеется достаточное количество теоретического и эмпирического материала, который позволяет нам по-новому взглянуть на многие ключевые положения, господствовавшие в экономическом знании до последнего времени на природу и характер социально-экономических систем. Однако при этом многие базовые вопросы остаются до конца не раскрытыми. Сюда можно отнести, прежде всего, проблематику дефиниций (т. е. проблему соотнесения существующей терминологической базы синергетики и социосинергетики с хозяйственной действительностью), а также вопросы типологии и классификации социально-экономических систем в рамках социосинергетического направления научных изысканий. Если по первому направлению уже имеются пионерные работы (например, уже ставшая классической работа В.-Б. Занга по синергетической экономике), то по второму — пока нет.

Как уже отмечалось ранее, господствующая позиция в экономической науке отталкивается от институционально-технологического и формационного подходов, исходя из содержания которых выделяются последовательно сменяющие друг друга этапы в развитии человеческого общества: первобытно-общинный, аграрный, промышленный или индустриальный и постиндустриальный способы общественного производства. Движущей силой социальных преобразований является процесс развития производительных сил общества. В свою очередь, в обоснование процесса развития производительных сил человеческих обществ легло положение о постоянно возобновляющемся процессе развития и обогащения человеческих потребностей. Непрерывно растущие потребности людей приводят к увеличению потребительского спроса на рынке товаров и услуг. Для удовлетворения возросшего потребительского спроса необходим рост производства и появление продукции с новыми потребительскими качествами. Эту задачу выполняют ученые, конструкторы, инженеры, совершенствующие технологию производственного процесса, а также другие специалисты и работники, участвующие в процессе развития производительных сил общества. Простота и ясность теоретических положений данной гипотезы способствовали ее быстрому и широкому распространению, и она стала предлагаться как единственно возможное объяснение причин, определяющих процесс развития производительных сил и человеческого общества в целом [19]. При этом многие ученые до сих пор стоят на позиции технологического или экономического детерминизма, исходя из принципа «человек — есть функция экономики». Достаточно наглядно это иллюстрируют слова В. И. Маевского: «Процесс экономической эволюции на макроуровне состоит в переходе от одного технологического уклада к другому, который сопровождается ростом масштабов производства, производительности труда, усложнением хозяйственных связей и отношений» [12, с. 5]. Если исходить из принципа «экономика — есть функция человека», то становится очевидным, что процесс экономической эволюции — это, прежде всего, процесс развертывания саморазвивающейся системы потребностей людей. Технологии, масштабы производства, производительность труда и сложность хозяйственных связей в этом случае могут рассматриваться лишь как системный фон для ее развития. Этот тезис достаточно легко доказать, рассматривая развитие коммуникационных потребностей человека, т. е. потребностей в общении. С появлением Интернета и его внедрением в нашу повседневную жизнь понятия «масштабы производства», «производительность труда», «хозяйственные связи и отношения» полностью меняют свой изначальный смысл и наполнение, задаваемые традиционными рамками экономической науки (недаром первые три строчки в списке крупнейших корпораций мира журнала «Форбс» занимают не классические индустриальные компании, а бренды, построенные на основе использования интернет-технологий). При этом они могут, с одной стороны, действительно, усложняться, а с другой — многократно упрощаться. И такой взгляд на эволюцию социально-экономических систем намного ближе к социосинергетической парадигме, чем традиционный технократический. Таким образом, ключевыми для современного этапа развития экономической науки становятся исследования, посвященные человеческим потребностям. Однако потребности выступают ско-

рее как объект и предмет изучения психологии, чем экономики, т. к. потребности прямо связаны с сознанием человека. В связи с этим возрастает роль междисциплинарного — на стыке экономики и психологии[1] — изучения потребностей людей. И здесь мы снова видим преимущества социосинергетического подхода по сравнению с альтернативными методологическими конструкциями.

Наиболее важными гипотезами при изучении социально-экономических систем, по мнению социосинергетиков, являются следующие [4, с. 237]:

1. Предположение о существовании социально-исторических архетипов.

2. Обусловленность архетипов нелокальным полем развития сознания человека.

3. Ритмокаскадная природа развития архетипов.

Первая гипотеза исходит из того, что поведение социально-экономических систем определяется небольшим числом социально-исторических архетипов, задающих базовые характеристики общества, его параметры порядка. По мнению В.Г. Буданова, исходя из синергетических представлений, удобно использовать следующую общую систему комплексных социально-исторических архетипов [4, с. 238-240]:

1. Ценностно-целевые (социокультурные аттракторы): религиозные, светские, личные, общественные.

2. Властные (способы управления): корпоративные, либеральные, авторитарные, абсолютистские.

3. Трансформационные (положительные обратные связи): индивидуальные, пассионарные, протестные, коллективно-стихийные.

4. Структурные (иерархия, гетерархия): бюрократические, сетевые, соборные, элитарные.

5. Адаптивно-синтезирующие (типы гомеостазиса и структура взаимосвязей социально-исторических архетипов): монархические, республиканские, либеральные, коммунистические, тоталитарные, демократические.

6. Региональных напряжений (фрактальность): локальные социальные напряжения, конфликты, акции гражданского неповиновения, диссидентство и т. п.

7. Метасистемные (сопряжение со средой внешние управляющие параметры): межгосударственные войны, мировоззрения, идеология, геополитика, катастрофы, климат.

Первые четыре архетипа являются базовыми и задают исторический портрет общества. Они являются составными, т. к. в них прослеживается противопоставления «коллективное — индивидуальное», «вертикаль — горизонталь». Синтетический пятый архетип определяет действующий в данный момент способ сборки базовых архетипов в конкретный тип общества, формации. Он также определяет и возможный спектр потенциальных альтернатив общественного уклада. Архетип шестой является маркером скрытых болезней и проблем данного общества, его болевых точек. Последний, седьмой архетип описывает развитие общества в контексте глобально-исторического процесса, что предполагает знание цивилизационных архетипов и способов реакции на них данного общества. Социально-исторические архетипы являются событийными проявлениями относительно устойчивых развивающихся структур социального поля, по сути, это социально-полевые архетипы.

Механизмы социального наследования, свертывания информации, а также регуляции психических и поведенческих актов огромным опытом прошлого, прямо влияющие на мир потребностей человека, подробно исследованы психологами, особенно принадлежащими к культурно-исторической и когнитивной школам (Л. Выготский, А. Урия. А. Асмолов, Дж. Келли, М. Коул и др.). Они представлены в профессиональном тезаурусе такими категориями, как интериоризация, конструкт, мем (единица культурной памяти), социогенетический закон (мышление и прочие психические функции ребенка воспроизводят в своем развитии стадии предыдущего развития культуры) [15, с. 139]. Обусловленность архетипов развития нелокальным полем сознания человека может быть проиллюстрирована обращением к последним достижениями интегральной психологии.

Один из основоположников и ведущий теоретик трансперсональной психологии К. Уилбер раскрывает спиральную динамику развития сознания и самосознания человека на примере модели матриц ценностей (Ц-матриц), разработанной психологами К. Грейвзом, Д. Беком и

[1] Важность этой совместной работы подчеркивает тот факт, что Нобелевская премия по экономике за 2002 г. была присуждена Д. Канеману и В. Смиту с формулировкой «за использование психологических исследований в экономике».

К. Коуэном [20, с. 68-76]. По мнению К. Грейвза, «психология зрелого человека представляет собой развертывающийся, творческий, возвратно-поступательный и спиральный процесс, этапы которого отмечены все большим подчинением старых систем поведения более низкого порядка новым системам более высокого порядка по мере того как меняются экзистенциональные проблемы человека. …Каждый последующий этап, волна или уровень экзистенции — это состояние, через которое люди проходят на своем пути к другим состояниям бытия» [20, с. 59-60]. Чувства человека, его мотивация, этика и система ценностей, биохимия, степень активации нервной системы, системы научения, системы убеждений, концепции и предпочтения в сфере менеджмента, образования, экономики и политической теории и практики — все соответствует этому состоянию. Каждая Ц-матрица — это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль адаптации, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрения до манеры одеваться и форм государственного управления. Различные Ц-матрицы, в определенном смысле, представляют собой разные этапы в развитии человеческого сознания и общества в целом, доступные нашей цивилизации в ходе ее движения по диалектической спирали под действием как ее собственной динамики, так и меняющихся условий жизни. Каждая Ц-матрица превосходит и включает в себя своих предшественников — это развитие как расширение охвата (синергетический «принцип матрешки»). Разные уровни эволюции сознания — не просто проходящие фазы; они представляют собой постоянно доступные способности и стратегии адаптации, которые могут активизироваться при соответствующих условиях жизни (например, инстинкты выживания могут активизироваться в чрезвычайной ситуации). Спираль Ц-матриц является беспорядочной и состоит из многообразных смесей, образующих мозаики, сетки, гибриды. Наиболее значимые классификационные признаки, которые могут быть положены в основу типологии социально-экономических систем, задаются характеристиками того или иного уровня Ц-матрицы, а также их взаимодействием и взаимопроникновением друг в друга.

Ниже дается краткое описание всех волн, образующих Ц-матрицы, доли населения мира, находящегося на каждой волне, и доли общественной власти и экономического влияния, которыми обладает каждая из этих групп.

1. Архаически-инстинктивный уровень. Уровень физического самосохранения. Приоритет отдается пище, воде, теплу и безопасности. Инстинкты и навыки используются только для выживания. Для продолжения жизни формируются группы выживания. Наблюдается в первобытных обществах, экономике психически больных бездомных («экономика бомжей»), при массовом голодании, при военном неврозе (0,1% взрослого населения земного шара, 0% власти).

2. Магически-анимистический уровень. Мышление по преимуществу анимистического типа: землю переполняют злые и добрые магические духи, которые оставляют за собой благословения, проклятия и колдовские чары, определяющие все события. Общности формируются по типу этнических племен. Духи предков связывают племя воедино. Политические связи устанавливаются в соответствии с принципом кровного и племенного родства. Где наблюдается: верование в злое колдовство, кровные клятвы, кровная месть, талисманы удачи, семейные ритуалы. Этнические магические верования и предрассудки. Распространен в экономиках третьего мира, в криминальной экономике, спортивных командах и корпоративных кланах, некоторых социально-экономических системах кавказского региона РФ (10% населения Земли, 1% власти).

3. Магически-мифический уровень. Мифические духи, драконы, чудовища и богатыри. Феодальные властители защищают своих подданных в обмен на их верность и труд. Основа власти — сила и слава. Мир видится как опасные джунгли, полные опасностей и хищников, где наблюдается: менталитет «переднего края», бунтующая молодежь, наемные солдаты, экономика шоу-бизнеса, феодальные вотчины (20% населения и 5% власти).

4. Сакрально-абсолютистический уровень. В жизни есть смысл, направление и цель, и все определяется всепроникающим порядком. Этот порядок насаждает кодекс поведения, основанный на неизменных понятиях «правильного» и «неправильного». Нарушение кодекса влечет за собой суровое наказание. Соблюдение кодекса вознаграждается. Основа древних наций (цивилизаций). Жесткая социальная иерархия; патернализм; существует только один правильный образ мышления; фундаменталистские убеждения.

Где наблюдается: пуританская Америка, викторианская Англия, экономический ортодоксальный либерализм, кодексы чести и рыцарства, исламский фундаментализм, патриотизм (40% населения и 30% власти).

5. Рационально-эгоистический уровень. Мир представляется рациональной машиной, функционирующей в соответствии с естественными законами, которые можно изучить и освоить, а затем манипулировать ими в своих собственных целях. Ориентация на личный успех и карьеру, которые понимаются, прежде всего, как получение материальных благ. Научные законы управляют политикой, экономикой и событиями жизни человека. Где наблюдается: рыночные бизнес-альянсы; эксплуатация природных ресурсов ради достижения стратегических преимуществ, экономика Уолл-Стрит, материализм, либеральный индивидуализм (30% населения и 50% власти).

6. Релятивистический уровень. Ключевыми понятиями здесь становятся идеалы общности, связи между людьми, осознание экологических проблем, «сетевое» мышление, противостояние иерархии, установление горизонтальных связей, акцент на диалоге и взаимоотношениях, большая степень аффективного тепла, чуткости и заботы о Земле и ее обитателях. Такой подход становится основой коллективных сообществ (т. е. свободно выбираемых групп, основанных на общности чувств и мнений), решения в которых принимаются путем соглашения и достижения общего мнения (оборотная сторона: бесконечная переработка и неспособность приходить к решению). Важным инфраструктурным фоном для социально-экономических систем на этом уровне развития становятся сильный эгалитаризм, плюралистические ценности, социальное конструирование реальности, разнообразие, многокультурность, релятивистические системы ценностей, субъективное, нелинейное мышление. Наполнение Ц-матрицы любого уровня сложности может быть активировано, если того требуют жизненные обстоятельства. Где наблюдается: постмодернизм, Гринпис, экофеминизм, политкорректность, защита прав человека, экуменическое движение, канадская система здравоохранения, экономика интернет-сообществ по типу членов виртуальной сети «В контакте» или «Одноклассники», самоуправляемые социально-экономические системы (10% населения Земли и 15% власти).

7. Систематически-интегративный уровень. Жизнь — это калейдоскоп естественных иерархий, систем и форм. Наивысший приоритет имеют гибкость, спонтанность и функциональность. Различия и множественность могут интегрироваться во взаимозависимые естественные потоки. Там, где это уместно, эгалитаризм дополняется естественными степенями превосходства. Знания и компетентность имеют более важное значение, чем ранг, власть, статус или групповая принадлежность. Преобладающий мировой порядок является результатом существования разных уровней (матриц) реальности и неизбежных паттернов движения вверх и вниз по динамической спирали. Хорошее государственное управление облегчает подъем социальных структур через уровни возрастающей сложности. Социально-экономические системы отвечают требованиям «физической экономики» Л. Ларуша [23].

8. Глобально-холистический уровень. Универсальная холистическая система. Объединение чувств со знаниями; множество уровней переплетаются в единую сознательную систему. Всеобщий, но осознанный порядок, не основывающийся на внешних правилах или групповых связях. Возникновение новой духовности как сети всего сущего. Где наблюдается: концепция ноосферы Пьера Тейяра де Шардена. Седьмой и восьмой уровни затрагивают 1% населения и обладают 5% власти.

Несомненно то, что теория Ц-матриц еще достаточно далека от практической проблематики социально-экономических систем и требует в этом направлении глубокой доработки. Но благодаря ей мы можем альтернативно взглянуть на те процессы и явления экономической жизни, которые не находят своего объяснения в рамках традиционной системной методологии. Принципы Ц-матриц были положены в основу дискуссий, которые положили конец системе апартеида в ЮАР, они оказались весьма плодотворными для реорганизации бизнеса многих крупных компаний, возрождения экономических систем небольших городов, реформировании систем образования и здравоохранения, управления спортивными командами и т. д. Практический успех Ц-матриц во многом объясняется тем, что они связывают уровень развития экономических систем и их типологию не с социально-экономическим (в контексте макроэкономической доктрины), технологическим, геополитическим

или иным положением страны, а с типом мировоззрения, исходя из которого действует человек, группа людей, деловой мир, правительство или страна.

В заключение к этой статье отметим следующее. Использование синергетики в познании мира социально-экономических систем требует известной доли осторожности. Во-первых, применение синергетических методов анализа к социальной реальности вызывает наибольшее количество сомнений и споров, поскольку касается принципиального вопроса о возможностях междисциплинарной универсальности синергетической теории и методологии. Во-вторых, синергетическое социальное видение чрезвычайно актуализируется в условиях стремительных трансформаций и это приводит к постоянной корректировке, казалось бы, уже устоявшихся понятий и методологических схем. В-третьих, существует мнение, что социосинергетика не вносит ничего качественно нового по сравнению с диалектикой, а сводится к переформулированию традиционных понятий: вместо революции — бифуркация, вместо случайности — флуктуация, вместо регресса — энтропия, и этот список можно продолжать и дальше [14, с. 11]. Подобная точка зрения возникает из-за отсутствия четких дефиниций по ключевым понятиям социосинергетического подхода, и такая двойственная ситуация должна быть преодолена в ближайшее время. Во многом этому будет способствовать обращение к последним исследовательским достижениям смежных с экономикой наук, куда нужно отнести, в первую очередь, интегральную психологию.

Список источников

1. *Ананьин О. И.* Экономическая компаративистика и экономическая наука // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — С. 52-84.

2. *Белотелов Н. В., Бродский Ю. И., Павловский Ю. Н.* Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ. Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 320 с.

3. *Богатырева О. А.* Описание социальных и экологических трансформаций: эволюция, история, сукцессия // Методология биологии: новые идеи. Синергетика, семиотика, коэволюция. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 253–262.

4. *Буданов В. Г.* Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 234–263.

5. *Губарев В. В.* Наука ли синергетика? // Вопросы философии. — 2009. — № 10. — С. 159-165.

6. *Губин В. Б.* Синергетика как новый пирог для «постнеклассических ученых» или отзыв на автореферат докторской диссертации // Философские науки. — 2003. — № 2. — С. 121-155.

7. *Делягин М.* Грядущее как риск. Глобальный кризис. Путешествие будет тревожным. [Электронный ресурс]. URL: http://delyagin.ru/articles/18629.html (дата обращения: 20.09.2011).

8. *Занг В.-Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории : пер. с англ. — М.: Мир, 1999. — 335 с.

9. *Ильин И. В.* Глобальные проблемы и процессы в контексте синергетического подхода и представления о глобальном эволюционизме // Социально-гуманитарные знания. — 2009. — № 5. — С. 284-292.

10. *Карпичев В. С.* Идея неравновесности — возможности для социологии // Социологические исследования. — 2008. — № 10. — С. 23-28.

11. *Ларуш Л.* Физическая экономика. [Электронный ресурс]. URL: http://rusgreen.ru/libr/hum_bio/larush/cont.htm (дата обращения: 11.09.2011).

12. *Маевский В. И.* Экономическая эволюция и экономическая генетика / В. И. Маевский // Вопросы экономики. — 1994. № 5. С. 4–21.

13. *Малков С. Ю.* Применение синергетики для моделирования социальных процессов // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. — М.: Прогресс — Традиция, 2009. — С. 203-204.

14. *Мейен С. В.* Заметки о редукционизме // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция). — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 5-13.

15. *Назаретян А. П.* Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса // Общественные науки и современность. — 1999. — № 4. — С. 135-145.

16. *Режабек Е. Я.* Синергетические представления и социальная реальность // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. — М.: Прогресс — Традиция, 2009. — С. 37–62.

17. *Смирнов М.* Синергетика. Введение в понятие // РИСК. — 2005. — № 2. — С. 79-83.

18. Сорос Дж. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков : пер. с англ. — М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2010. — 272 с.

19. *Убайдуллаев С. Н.* Экономические институты. Возникновение и развитие. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.rus.ec/b/119550/read (дата обращения: 08.09.2011).

20. *Уилбер К.* Интегральная психология. Сознание. Дух. Психология. Терапия : пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 412 с.

21. *Хакен Г.* Самоорганизующееся общество // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. — М.: Прогресс — Традиция, 2009. — с. 350-369.

22. *Хиценко В. Е.* Модель жизнеспособной фирмы Стаффорда Бира // Менеджмент в России и за рубежом. — 1999. — № 3. — с. 135-142.

23. *Хиценко В. Е.* Несколько шагов к новой системной методологии // Социологические исследования. — 2001. — № 3. — С. 8-14.

24. *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эпоху : пер. с англ. — М.: Столица-принт, 2008. — 328 с.

УДК 330.1

ключевые слова: социально-экономическая система, типология социально-экономических систем, социосинергетика, интегральная психология